

— Я знаю, брат, но как ты познакомился с Ян Шицзином? — Смотря на то, как Ян Шицзин смотрит на Жань Синьяна, у него внутри всё кипело. Этот взгляд был откровенно недобрый и наполнен каким-то невыразимым...

— Разве ты не знаешь? Мы познакомились на помолвке Бай Ли.

— Тогда... что значит «спонсор»?

— Разве Бай Ли всегда не был моим спонсором?

— Он изначально пришёл, чтобы помочь тебе, но все эти годы ты отказывался, не принял от него никакой материальной помощи. Как он может позволять другим говорить о тебе так? — В душе Жань Синьяна бушевала буря: он возмущался за брата и глубоко ненавидел поступок Бай Ли.

— Это уже не важно, Синьхай. Я пойду. Если что-то случится — позвони. — Жань Синьян двинулся вперёд, не желая больше говорить о Бай Ли.

— Брат... — Глядя, как хромающий человек выходит за ворота кампуса, Жань Синьхай почувствовал, как у него защемило в носу.

Ци Тянь, придя в компанию в обед и не обнаружив Жань Синьяна, узнал, что тот взял отгул. Неизвестно, по какой причине, но его добыча, всегда находившаяся в поле зрения, внезапно исчезла, и это заставило его почувствовать беспокойство.

Вечером, закончив работу, Ци Тянь взял диктофон, полученный сегодня, и отправился к Жань Синьяну. Он долго стучал в дверь, прежде чем она наконец открылась. Жань Синьян, накинув пиджак поверх домашней одежды, смотрел на него с недоумением — его явно разбудили.

— Почему ты так рано лёг?

— Нечего делать, вот и сплю. Зачем пришёл? — Увидев Ци Тяня, Жань Синьян немного пришёл в себя.

— Я пришёл спать с тобой. — С хитрой улыбкой Ци Тянь обнял Жань Синьяна и втолкнул его внутрь.

— Ты... ты с ума сошёл? — Жань Синьян отбивался, но вскоре оказался брошен на кровать.

— Не ори. Сегодня я даю тебе выбор: либо ты будешь со мной, либо я передам запись Бай Ли.

— Запись? Какая запись? — Жань Синьян был в замешательстве.

— Вот, послушай сам. — Ци Тянь передал ему диктофон и отошёл в сторону, опасаясь, что снова не сдержит себя.

Жань Синьян нажал кнопку, и из устройства раздался голос, в точности похожий на его собственный. Не дослушав и половины, он с силой швырнул диктофон, и звук оборвался. Дрожа, он смотрел на Ци Тяня взглядом, полным ужаса и ненависти. — Как... как это возможно?

— Я изначально записал это, чтобы ты не подумал, будто я что-то подстроил, и терпел, не давал тебе послушать. Но сейчас я действительно в тебя влюбился, а ты всё время отказываешь. Мне... мне больше ничего не остаётся. — Ци Тянь с видом мученика опустил

голову, будто его кто-то принуждал.

— Ты! Подлец! Бесстыдник! Мерзавец! Ты настоящий негодяй! — Жань Синьян в отчаянии схватился за голову. Как он мог так звать имя Бай Ли... да ещё с кем-то... и так...

— Да, признаю, я подлец, бесстыдник и мерзавец. Но что поделать, если ты мне нравишься? — Ци Тянь приблизился и поцеловал Жань Синьяна в тыльную сторону ладони.

Тот содрогнулся всем телом. Нет, он не хотел быть с Ци Тянем, он не испытывал к нему никаких чувств. Но если запись услышит Бай Ли... мысль об этом была невыносима.

— Жань Синьян, тебе не нужно мучиться. Со мной ты не прогадаешь. Подумай ещё: если Бай Ли это услышит, что он о тебе подумает?

— Нет... дай... дай мне подумать. Оставь меня одного. — Жань Синьян накрылся с головой одеялом, не желая видеть это мерзкое лицо.

— Ладно. Дам тебе время. Трёх дней хватит?

Голова под одеялом отрицательно замотала. За три дня он не найдёт выхода.

— Тогда неделя. Всего неделя. Жань Синьян, я буду ждать. Спи спокойно, я уйду.

Услышав, как шаги за дверью удаляются, а затем звук захлопнувшейся двери, Жань Синьян разрыдался. Почему он должен делать этот выбор? Неужели нельзя просто сопротивляться?

Когда все в компании радовались приближающимся новогодним праздникам, Жань Синьян под пристальным взглядом Ци Тяня опустил глаза. Прошло уже три дня, а решения всё не было.

На прикроватной тумбочке лежал разбитый диктофон — словно труп, ждущий погребения. Жань Синьян с горечью думал, что, возможно, выбора и не существует. Унижения и насмешки он терпел годами, давно привык. Что бы там ни подумал Бай Ли, какая разница? Между ними давно не осталось прежних чувств, а если что-то и было, то лишь жалкие остатки. Но... сердце болело. Гораздо сильнее, чем когда-либо.

Ци Тянь уверенно ждал дня, когда Жань Синьян сам придёт к нему. Он знал: гордость не позволит тому допустить, чтобы запись услышал Бай Ли или любой другой мужчина. Пусть запись и поддельная, голос — точная копия. Он даже был рад, что Жань Синьян разбил диктофон. Раньше Ци Тянь опасался, что тот сможет обратить угрозу против него самого, но теперь понял — переоценил умственные способности оппонента.

Жань Синьян тоже позже вспомнил, что можно было поступить иначе. Но было поздно. Наверное, любой на его месте первым делом уничтожил бы доказательства.

На четвёртый день Жань Синьян, уставший, вернулся домой. Войдя, он вздрогнул от яркого света в гостиной. Из спальни вышел Жань Синьхай:

— Брат, ты вернулся.

— Синьхай? Что ты здесь делаешь? — Широко раскрыв глаза, Жань Синьян почувствовал беспокойство.

— А... просто у меня несколько выходных. Поживу тут пару дней и уеду. — Жань Синьхай не посмотрел на брата, зная, что врёт неискусно.

— Ты врѣшь. Сейчас никаких выходных, через несколько дней — Новый год. Синьхай, что случилось? — Жань Синьян сразу раскусил ложь и забеспокоился.

— Брат... меня отчислили. — Жань Синьхай выговорил это сквозь зубы. Когда директор сообщил ему новость, он понял: Ян Чжихун специально его подставил. Обычная драка, но ему приписали умышленное причинение вреда. А когда он пошёл к Ян Чжихуну выяснять, оказалось, что тот ушёл с Ян Шицзином и больше в школу не возвращался.

Гром среди ясного неба. Жань Синьян погрузился в панику, вспомнив взгляд Ян Шицзина — неприкрытый, похотливый, от которого становилось жутко.

— Брат, не волнуйся, я найду, кто поможет. — Глядя на смертельно бледное лицо брата, Жань Синьхай почувствовал, будто в душе у него провалилась бездна, и в неё хлещет ледяной дождь.

— И кого ты найдёшь? — Жань Синьян горько усмехнулся.

— Я... я... брат... — Единственный, кто мог помочь, — Бай Ли. Но он никогда не считал их друзьями. Для него помощь была лишь благотворительностью, способом подчеркнуть свой статус филантропа.

— Ладно, не беспокойся. Я что-нибудь придумаю.

— Брат, ты же не пойдёшь к этому Яну? — Жань Синьхай напрягся. Если у него самого нет выхода, то что сможет сделать Жань Синьян?

— Не лезь. Просто учись, не отставай.

— Нет! Брат, я не позволю тебе идти к Яну! У него явно дурные намерения!

— Хватит! Не хочу больше об этом говорить. Я спать. — Жань Синьян крикнул, подавляя раздражение и тревогу, от которых раскалывалась голова.

«...» Смотря, как дрожащий Жань Синьян проходит мимо него в спальню, Жань Синьхай вовремя замолчал. Он знал, что на этот раз создал огромную проблему. Но он всё равно должен был помешать брату встретиться с Ян Шицзином.

На следующий день звонок от Ян Шицзина не стал для Жань Синьяна неожиданностью.

— Ян Шицзин, зачем ты это сделал? — Жань Синьян говорил тихо, но его голос звучал как подземный гул.

— Хе-хе, Синьян, не злись. Ты же сам говорил: только тот, кто помогает, может быть другом. В прошлый раз ты отказался от моей помощи, а сейчас я очень хочу тебе помочь. Вот и всё. — Ян Шицзин вращал в руке бокал с красным вином, улыбаясь в трубку. Ему очень хотелось увидеть, какое сейчас выражение лица у Жань Синьяна.